

ТУРБУЛЕНТНАЯ ПОЛИТИКА КАК УГРОЗА ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

АННОТАЦИЯ

Главной характеристикой турбулентной политики является неопределённость, характеризующаяся отсутствием закономерностей. Ход событий становится турбулентным, когда сложность и динамизм социально-политических процессов достигают точки, где существующие правила управления больше не работают. Ответом на турбулентную политику для России стала евразийская интеграция. Участвуя в формировании интеграционного объединения, Россия выступает в качестве центра притяжения для стран евразийского (постсоветского) пространства, что позволяет ей оставаться важным геополитическим актором в современном мире.

Ключевые слова: евразийская интеграция; Евразийский экономический союз; евразийский вектор; интеграционные процессы; турбулентная политика.

BARANOV N. A.

TURBULENT POLICY AS THREAT OF THE EUROASIAN INTEGRATION

ABSTRACT

The main characteristic of turbulent policy is the uncertainty which is characterized by lack of regularities. The course of events becomes turbulent when the complexity and dynamism of socio-political processes reach a point where the existing rules of management don't work any more. The Euroasian integration became the answer to turbulent policy for Russia. Participating in formation of integration association, Russia acts as the center of gravity for the countries of the Euroasian (Post-Soviet) space that allows her to remain the important geopolitical actor in the modern world.

Keywords: Euroasian integration; Eurasian Economic Union; Euroasian vector; integration processes; turbulent policy.

Развитие евразийского проекта происходит на фоне новых угроз, возникающих в нестабильном мире и имеющих комплексный, взаимосвязанный характер. Эти угрозы возникают в условиях кризисной неустойчивости общественно-политического развития, связанной как с естественными, так и общественно-политическими процессами и явлениями. Глубокие политические трансформации на разных континентах, радикальные перемены в некогда стабильных странах сопровождаются социальными изменениями глубинного характера, которые ставят под сомнение истинность прежнего знания об обществе.

Бурное развитие событий в XXI веке предстает хаотичным набором не связанных друг с другом, случайных процессов и явлений, которые изменяют прежние достаточно устойчивые представления об общественном развитии. Такие процессы и явления в мировой политике, как широкое распространение терроризма, экстремизма, национальной и расовой неприязни и сопровождающие их локальные вооруженные конфликты; массовая миграция, приводящая к смене привычных образов жизни в устоявшихся социальных системах; антиэлитные настроения в странах либеральной демократии; нежелание ряда развивающихся государств идти в русле западной модернизации сви-

детельствуют не об эпохе «управляемого хаоса», а скорее всего о беспорядочности в социальных отношениях и неконтролируемом характере социально-политических перемен. Неслучайно при характеристике современного мирового порядка все чаще применяется термин «турбулентность», который достаточно точно отражает непредсказуемость международных процессов в мировой политике.

Турбулентность – явление, характерное для жидкостей и газов, заключающееся в том, что в их течениях образуются многочисленные вихри различных размеров, вследствие чего их гидродинамические и термодинамические характеристики испытывают хаотические флуктуации, выходящие за рамки привычных показателей [1, с. 1233]. Данный термин применяют для характеристики беспорядочных перемен как в физических, так и социальных средах. Физическая и социальная система переходит от упорядоченного пространственно-временного поведения к турбулентному при увеличении степени её неравновесности, которая может происходить скачкообразно или в результате цепочки последовательных усложнений движения или процессов.

Концепцию турбулентности в мировой политике предложил американский политолог Джеймс Розенау, который в 1990 г. опубликовал работу

«Турбулентность в мировой политике: теория изменения и преемственность» [2]. Согласно данной концепции мировая система испытывает высокую напряженность вследствие кардинальных перемен, из-за которых структуры и процессы, поддерживающие мировую политику, становятся неустойчивыми и в них происходит переустройство. Привычные колебания системы сменяются аномалиями, устоявшиеся структуры расшатываются, разворачиваются новые процессы, результаты которых оказываются недолговечными, а система вступает в период длительного неравновесия. Возникает неустойчивость, проявляющаяся в технологических новациях, кризисах власти, нарушениях согласия, конфликтах на разных уровнях, революционных переворотах и других процессах и явлениях, изменяющих человеческую жизнь.

Главной характеристикой турбулентной политики является неопределенность, характеризующаяся отсутствием закономерностей. Мировая политика вступает в фазу, не имеющую предварительно установленных правил или границ, поскольку напряженность в мире обостряется, отношения трансформируются, разработка политического курса основными акторами политики парализуется. Происходит разрушение параметров мировой политики, которые прежде были стабильными и ограничивали колебания ее переменных составляющих. Ход событий становится турбулентным, когда сложность и динамизм социально-политических процессов достигают точки, где существующие правила управления больше не работают.

Дж. Розенау выделяет пять основных причин, изменяющих параметры сложившейся политической системы:

- переход от индустриального к постиндустриальному миропорядку, связанному с развитием техники и технологий;
- возникновение таких явлений, как загрязнение атмосферы, терроризм, наркоторговля, валютные кризисы и СПИД, которые носят транснациональный характер;
- неспособность государств эффективно решать основные политические проблемы, так как они все теснее переплетаются с крупными международными проблемами и не подлежат их юрисдикции;

- широкое распространение тенденций к децентрализации на всех организационных уровнях;
- изменение восприятия окружающего мира и возросшая аналитическая способность населения планеты, приспосабливающегося к новым технологиям в условиях постиндустриального миропорядка и возрастанию взаимозависимости.

Немецкий политолог Ханнс Маулль предлагает называть турбулентностью последствия глобализации международных отношений, которые характеризуются тремя всеобъемлющими тенденциями:

- превышением геополитики над геоэкономикой;
- мутациями глобальной проблемы безопасности, которая все чаще переходит от межгосударственных отношений к обществам и к транснациональной сфере;
- возросшей интенсивностью конфликтов между различными системами ценностей и идеологиями.

По его мнению, динамика глобальных взаимодействий в системах, отмеченных высокой взаимозависимостью, свидетельствует о сложности политического контроля, что может привести к коллапсу сложившейся системы [3].

В сфере интересов российских исследователей проблемы турбулентности также занимают важное место. Как отмечает Д. Ефременко, в XXI веке человечество имеет дело с новым качеством турбулентности, обусловленным двумя взаимосвязанными процессами – глобализацией и поствестернизацией. По мнению российского исследователя, с одной стороны, новое качество международной системы в условиях глобального мира, состоит в том, что «турбулентность происходит в системе, лишенной возможностей внешней экспансии и, следовательно, снижения внутреннего давления». С другой стороны, опираясь на полутысячелетний опыт доминирования Запада, учитывая и перерабатывая его, мировая цивилизация будет далее развиваться совсем не как глобальный Запад, осуществляя турбулентный переход к новой фазе цивилизационного развития [4].

В. Пантин выделяет следующие основные причины экономических и социально-политических потрясений, геополитических и цивилизационных сдвигов:

- глобальный социально-экологический кризис, связанный с продолжающимся масштабным использованием ресурсоемких и загрязняющих природу технологий массового производства;
- глобальный демографический переход, связанный с резкими диспропорциями в динамике численности населения между разными регионами и этносами внутри отдельных государств, приводящие к огромным потокам миграции и обострению межэтнических конфликтов;
- глобальные климатические изменения, которые представляют собой результат взаимодействия природных факторов и деятельности человека [5, с. 3-5].

Некоторые российские исследователи под турбулентностью понимают «динамику изменений миропорядка, характеризующуюся перманентной или периодически повторяющейся нестабильностью, амбивалентностью и неопределенностью процессов, частично контролируемой действиями отдельных акторов мировой политики» [6, с. 12].

В российском официальном политическом дискурсе турбулентность и неопределенность современной мировой политики отражается в официальных документах и выступлениях политических лидеров. Так, непредсказуемость мировой политики подтверждает Президент Российской Федерации, который на заседании Валдайского клуба в 2017 г. заявил: «Прежние рецепты глобального управления, преодоления конфликтов и естественных противоречий уже не годятся, часто не срабатывают, а новые ещё пока не выработаны... Безопасности в мире становится меньше. Вместо продвижения прогресса, демократии свободу рук получают радикальные элементы, экстремистские группировки, которые отрицают саму цивилизацию, стремятся ввергнуть её в архайку и хаос, в варварство» [7]. А на XXII Петербургском международном экономическом форуме В.В. Путин констатировал: «Система многостороннего сотрудничества, которая выстраивалась десятилетиями, вместо естественной, необходимой эволюции ломается, причём грубо. Правил становится нарушение правил» [8].

В Концепции внешней политики России конкретно акцентируется внимание на стремлении

«западных государств удержать свои позиции, в том числе посредством навязывания своей точки зрения на общемировые процессы и проведения политики сдерживания альтернативных центров силы», что «приводит к нарастанию нестабильности в международных отношениях, усилению турбулентности на глобальном и региональном уровнях» [9].

Таким образом, исследователи и политики связывают хаотичность социальной и политической жизни с глобальными переменами в мире, затрагивающими все сферы жизни общества, изменяющими восприятие человеком окружающей действительности. Все это создает угрозу евразийской интеграции как процессу, происходящему в современном глобальном мире под влиянием неопределенностей мировой политики. Турбулентность в политике создают такие субъекты, которые не вписываются в привычные нормы и правила, установленные системой: государства, международные организации, транснациональные корпорации, негосударственные субъекты, отдельные лица.

Турбулентности способствует разрыв между растущими требованиями, предъявляемыми к политике различными акторами, и снижающимися возможностями политики для управления событиями в желаемом направлении. Возникающая неопределенность – это результат противоборства между силами, сохраняющими существующий порядок, и силами, тяготеющими к преобразованиям, обусловленным формирующимся информационным обществом, которое привносит в политический дискурс новые концепты, политические практики и технологии.

В сложившихся условиях евразийское интеграционное пространство рассматривается отечественными учеными как уникальная исследовательская площадка, «поскольку, с одной стороны, это яркий пример взаимосвязи интеграционных и дезинтеграционных процессов, а, с другой стороны, это феномен, не нашедший еще в современной политической науке должной теоретической проработки» [10, с. 4].

Неопределенности на евразийском пространстве способствуют следующие факторы:

- низкая адаптация стран региона к глобальным и региональным угрозам и вызовам;

- неспособность снизить уровень бедности в странах региона, что создает внутривнутриполитическую напряженность;
- низкий уровень технологического развития – неспособность перейти на цифровую экономику;
- влияние ведущих мировых держав на интеграционные процессы в регионе, направленное на разобщение стран;
- низкая эффективность государственного управления (коммуникация с обществом и электронные технологии);
- гибридные войны, которые в начале XXI века получили широкое распространение.

Под «гибридными войнами» понимается тактика, при которой не используется открытое применение обычных военных средств и включающая в себя пропаганду и дезинформацию, методы экономического давления, тайное использование сил специального назначения.

По мнению И.Н. Панарина, стратегия ведения гибридной войны НАТО предполагает доминирование инструментов «мягкой силы» и нацелена на дезинтеграцию евразийского пространства, создание хаоса и нестабильности в соседних с Россией государствах с использованием технологий цветных революций, информационной войны, терроризма и экстремизма, финансово-экономического давления, военно-силового принуждения [11, с. 64].

Гибридные войны повышают непредсказуемость мировой политики, так как разрабатываются кулуарно и направлены на дезинтеграцию государств, качественное изменение его внутри- и внешнеполитического курса, установление над страной внешнего, прежде всего, финансово-экономического контроля, что в итоге приводит к хаотизации международных отношений.

Увеличение влияния элементов информационного противоборства способствует появлению новых технологий, изменяющих восприятие реальной действительности. Так в 2016 г., по мнению составителей Оксфордского словаря, словом года стала «постправда». Этот термин стал применяться в начале XXI века для обозначения неактуальности какой-либо концепции, события принадлежащего настоящему времени [12]. Политика «постправды» создает ситуацию,

в которой истинное положение дел больше не интересует, таким образом, создавая неопределенность и непредсказуемость в социально-политическом контексте.

«Постправда» эмоциональна, поэтому ее атрибутом, который с готовностью воспринимается обществом, становится информация с эмоциями страха, симпатии, гордости или ненависти. Зачастую она основывается на «фейковых новостях» («fake news»), которые становятся популярнее, чем настоящие и которые приносят еще больше неопределенности в политический процесс.

Опасность «fake news» заключается в том, что в качестве сенсационных сообщений в информационном пространстве начинают доминировать искаженные (лживые, бредовые, обманчивые, ложные, поддельные, фальсифицированные) новости и вокруг них выстраивается дискуссия, уводящая далеко в сторону от обсуждения реальных проблем. Подключаящиеся к такой дискуссии официальные органы узаконивают их, вводя в политический дискурс.

По аналогии с фейковыми новостями вводится в политический оборот термин «фейковая дипломатия». Так, в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел Мексики Л. Видегараме Касо 17 ноября 2017 года глава российского внешнеполитического ведомства С.В. Лавров заявил: «Похоже, мы имеем новое явление в международных отношениях, когда есть не только фейковые новости, но и фейковая дипломатия» [13], основанная на лжи, подтасовке фактов, видимости конструктивной деятельности.

Таким образом, новые технологии могут быть использованы не во благо, а в целях повышения неопределенности в современном мире, что способствует росту турбулентности в мировой политике, непосредственно влияющей на евразийскую интеграцию.

Последствия турбулентности сказываются как во внешнеполитической, так и внутривнутриполитической жизни. Попытки снижения влияния турбулентности на внутреннюю политику государства, предпринимаемые властями, приводят, как правило, к ограничениям в различных сферах жизни и в целом к закрытости общества. Этнические, профессиональные и другие сообщества

стремятся ограничить себя от непредсказуемости международных процессов, создавая препятствия для проникновения негативных явлений в социокультурную среду. В условиях глобализованного мира такие попытки поддерживаются далеко не всеми слоями общества, что приводит к разобщенности и росту социально-политических конфликтов.

Евразийский проект имеет свои особенности, связанные с незавершенностью рыночных преобразований, с отходом от либерально-демократических реформ и формированием политических институтов, вбирающих в себя современные черты в совокупности с традиционными, и ориентирующиеся на традиционные культурные ценности и возрождение религии, занявшей освободившуюся идеологическую нишу. Поэтому евразийский интеграционный процесс представляет интерес для многих стран нелиберальной демократии с устоявшимися западными традициями.

В современном мире страна становится центром притяжения для других государств и народов лишь в том случае, если она сможет им предложить такие варианты развития, которые способствуют повышению качества жизни, реализации потребностей людей, росту эффективности управления. Поэтому успехи западных стран в перечисленных областях являются востребованными для граждан многих современных государств. Однако не все государства и населяющие их народы способны воплотить в жизнь передовой опыт в силу особенностей цивилизационного характера, сложившегося менталитета, дефицита гражданственности. Поэтому возникают другие центры притяжения, основанные на силе, приоритете традиции перед новациями и на общем представлении относительно геополитической самоидентификации.

Россия оказалась той страной, которая, не сумев стать успешной рыночной экономикой и не построив демократические институты, за счет привычного экстенсивного развития и сильной эффективной просвещенно-персоналистской власти смогла добиться определенных успехов, породив, таким образом, у других стран, не справившимися с либерально-рыночными и демократическими преобразованиями, надежды на успешное развитие в другой – не либерально-демократической парадигме. Обладая весомыми экономическими

и политическими ресурсами, которыми она не смогла эффективно распорядиться в 1990-е – 2000-е гг., Российская Федерация, не желая оставаться в геополитическом одиночестве, решила на интеграционные процессы со странами, не в полной мере состоявшимися в критериях современного развития. По мнению Е. Бажанова, «особая потребность лидерства Москвы существует на постсоветском пространстве» [14, с. 27], так как без ее стабилизирующей роли в этом регионе велика вероятность хаоса. А по убеждению Е. Пономаревой и Г. Рудова, «предлагаемая Россией модель интеграции обеспечит не только успех нашей стране, но будет способствовать замирению и развитию всех стран и народов самого крупного и богатого региона мира – Евразии, что в свою очередь отразится на общепланетарном климате» [15, с. 89].

Вполне очевидно, что евразийское положение России в новых условиях расклада сил на мировой арене приобретает геостратегическое преимущество. С учетом возвышения Китая участие России в евразийских интеграционных проектах становится жизненно важным и необходимым, так как наличие союзников повышает влияние нашей страны на процессы, происходящие не только на евразийском континенте, но и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. А главное – повышает доверие к Российской Федерации со стороны мирового сообщества как к стране, реализующей не только собственные, но и союзнические интересы на мировой арене.

Несмотря на все сложности евразийского интеграционного проекта, осуществляемого в условиях турбулентности мировой политики, в российском политическом дискурсе преобладает обоснованная убежденность в позитивном влиянии создаваемой модели интеграции не только в евразийском регионе, но и в планетарном масштабе.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «Большая Российская энциклопедия, СПб.: «Норинт», 1998. – 1456 с.
2. *Rosenau James N. Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity.* Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1990. 480 p.

3. *Maull Hanns W.* World Politics in Turbulence // Internationale Politik und Gesellschaft Online. – 2011. – №1. – P.11-25 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://library.fes.de/pdf-files/ipg/ipg-2011-1/2011-1__03_a_mauull.pdf (дата обращения: 30.05.2018).
4. *Ефременко Д.* После дуумвирата: внешняя политика Москвы // Россия в глобальной политике. – 2011. – №3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Posle-duumvirata-vneshnyaya-politika-Moskvy-15216> (дата обращения: 30.05.2018).
5. *Пантин В.И.* Первая половина XXI века: «эпоха турбулентности» в мировом развитии // История и современность. – 2008. – №2. – С.3-9.
6. *Популях Д.С.* Турбулентность в современной мировой политике: дискурсы и практика. Автореф. ...канд. полит. наук по спец. 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. – М., 2016. – 30 с.
7. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай», 9 октября 2017 г. Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/55882> (дата обращения: 30.05.2018).
8. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума, 25 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57556> (дата обращения: 30.05.2018).
9. Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1> (дата обращения: 30.05.2018).
10. *Лагутина М.Л.* Глобальный регион как элемент мировой политической системы XXI века (на примере Евразийского союза). Автореф. дис. ...д-ра полит. наук. СПб., 2016. – 45 с.
11. *Панарин И.Н.* Гладиаторы гибридной войны // Экономические стратегии. – 2016. – №2. – С.60-65.
12. *Keyes Ralph.* The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. New York: St. Martin's, 2004. 320 p.
13. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Мексики Л. Видегараем Касо, Москва, 17 ноября 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2953807 (дата обращения: 30.05.2018).
14. *Бажанов Е.* Россия между Западом и Востоком // Современный мир и геополитика / Отв. ред. М.А. Неймарк. – М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. – С. 9–47.
15. *Пономарева Е.Г., Рудов Г.А.* «Принцип домино»: мировая политика на рубеже веков. – М.: Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2016. – 312 с.



Баранов Н. А., д-р полит. наук, профессор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор Санкт-Петербургского государственного университета